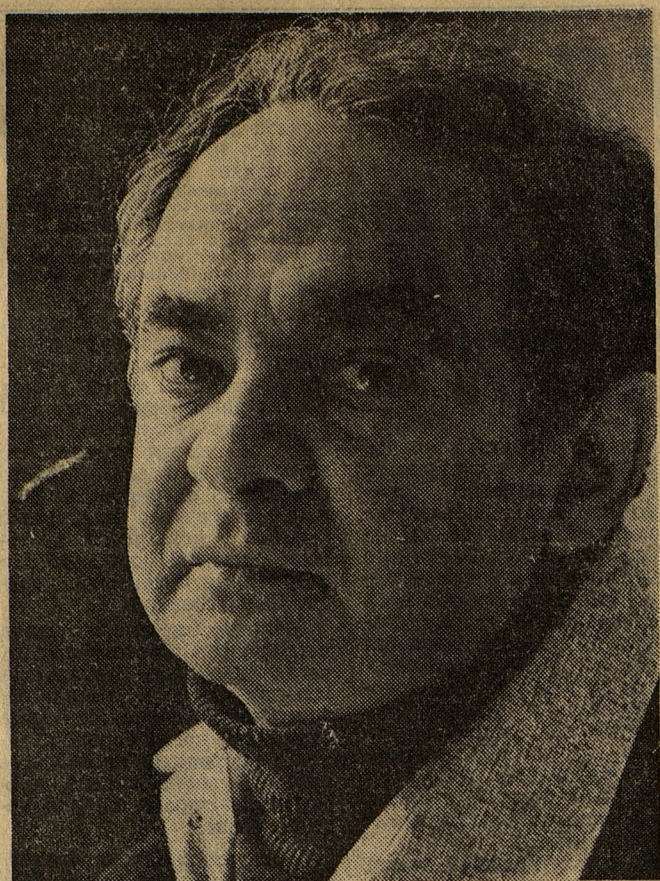

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

люди искусства

Я люблю тебя, жизнь

М. ИГНАТЬЕВА

Это был особый день в его жизни. Радостный, волнующий. Еще бы! Ему, тогда никому не известному автору, доверили попробовать написать несколько номеров для готовившегося Московским Художественным театром спектакля «Двенадцатая ночь». То есть как доверили — он сам решил попробовать, прочитав в газете заметку о предстоящей премьере, где играть будут выпускники Студии МХАТа. Молодые артисты, он — молодой композитор, за спиной у него — консерваторское образование по классу замечательного музыканта В. Шебалина, много сочиненной музыки (правда, пока еще отлеживающейся в портфеле) и должность на радио — ответственный редактор по массовым жанрам. Как говорится, все сходится. Почему бы не испытать судьбу?

А трудно-то как! Шекспир, премьера прославленной труппы, общение с известнейшими театральными деятелями... Вдруг не получится? Эдуард Савельевич Колмановский отнюдь не относится к сорту людей, которые, могут не могут, без тени сомнения берутся за все. Напротив, даже сейчас — уже, казалось бы, есть имя, авторитет, положение, опыт — в нем всегда ощущаешь какую-то застенчивость, робость, скованность.

А уж в те времена — легко себе представить, какой страх испытывал молодой автор. Но когда получилось, когда одобрили и заказали еще музыку, это была действительно победа.

Потом последовало множество работ, на столичной афише замелькали спектакли, в которых музыкальное сопровождение принадлежало этому автору. То комедия, то драма, то водеvil, то сказка. В «Современнике» родилась знаменитая «Белоснежка и семь гномов», не устающая и сегодня завлекать взрослых и поколение юных; вслед за ней — оперетта «Белоснежка» в Музыкальном театре для детей, руководимом Наталией Сац. И две «Белоснежки» вот уже больше десятилетия существуют в столице, не мешая друг другу. Появились музыкальные комедии «Женский монастырь» и «Ох, уж этот Вронский!», прошедшие на разных сценах страны...

Не буду перечислять все заслуги Эдуарда Савельевича на театральном фронте. Скажу лишь, что дебют композитора во МХАТе стал одновременно и дебютом Колмановского-песенника — отсюда его родословная.

— Во всем виноват те-

атр, — как-то сказал мне он. — Детские впечатления о театре настолько ранние, что я не могу просто вспомнить себя без него.

Обычно это актерские дети с малолетства проводят жизнь в зрительном зале: они сидят на репетициях, на премьерах, помногу раз смотрят один и тот же спектакль, выучивают наизубок все мизансцены, роли, знают всех в коллективе от премьера до гардеробщика. Таким актерским ребенком был и Колмановский. Правда, родители к театру прямого отношения не имели (к тому же отец его умер, когда мальчику было всего два года), но была тетя, известная актриса В. Варина — представительница могучей гвардии вахтанговцев. В этом театре будущий композитор стал своим человеком.

Однако была еще и музыка — с раннего детства.

Окончательный выбор — музыка — был сделан к 13 годам, но непреодолимая тяга, пристрастие к театру сохранились у него навсегда. А самое главное, работа над музыкальным оформлением драматических спектаклей «заразила» песенным жанром, раскрыв в нем дарованного композитора, великолепного ощущающего песенную стихию, умеющего писать музыку легко запоминающуюся, захватывающую, доступную самому массовому слушателю. Очаровательная, признанная народным ароматом «За окошком свету мало», зажигательная «Бирюсинка», дифирамб танцу, который был дорог нашим отцам и дедам и сегодня волнует молодежь — «Вальс о вальсе», лирическая исповедь о любви к своей земле, к народу — «Журавленок» и душевный разговор девушки с солдатом-призывником «Вы служите, мы вас подождем» — они, да и многие другие его песни пришли в наш повседневный быт и прочно обосновались в нем на годы, на десятилетия.

Жизнестойкость — одна из отличительных черт песенного творчества Эдуарда Савельевича. Большинство произведений у него — долгожители. Чем объяснить? Наверное, тем, что он черпает сюжеты и образы из окружающей действительности, никогда не оставаясь равнодушным к важным проблемам современности. Песни-раздумья, философские размышления, монологи о жизни, о войне, о счастье на земле, о величии социалистических идеалов, о патриотическом, сыновнем долге, о верности в дружбе, в любви, о рыцарстве — да разве все назовешь!

И еще один, может быть,

даже главный секрет долготы его песен — он нашел путь к сердцам слушателей, сплавив высокую гражданственность с подлинной лирикой, избрав в «разговоре» с аудиторией на самые важные, серьезные, масштабные темы сегодняшнего дня доверительные, душевные, почти интимные краски. Собственно говоря, это и было то новое, что открыл он с поэтом К. Ваншенкиным в песне «Я люблю тебя, жизнь!» и с Е. Евтушенко — в «Хотят ли русские войны?»

Песню «Я люблю тебя, жизнь» Юрий Гагарин назвал любимой и взял помощницей в далекое веземное путешествие. Это была не случайность: и потом не раз в самых драматических жизненных ситуациях именно эта песня призывалась на помощь.

Когда-то на страницах «Правды» был описан случай с участницей геологоразведывательной партии на далекой Чукотке Валей Ровняга. Заблудившись в тундре во время страшной пурги, молодая женщина 65 часов боролась со смертельной опасностью. Валя хорошо знала железный закон путника, затерявшегося в снегах, — не засыпать, ни на одну минуту не засыпать, иначе — верная гибель. Двое с половиной суток Валя не смыкала глаз, время от времени повторяя, словно молитву, свою самую дорогую песню. «Я люблю тебя, жизнь!» — голос ее тонул в свисте, стоне, завывании ветра, она почти не слышала себя, но пела, пела...

Это ведь редкое, ни с чем не сравнимое качество художественного произведения, если с ним не расстаются в самые трагические минуты, призывают его на помощь в поисках спасительных сил...

Мы беседуем в кабинете композитора. Со стены весело подмигивает блестящим «глазом» золотая пластинка с записью этой песни. Да, да, в буквальном смысле слова золотая. Ее присудила автору финская фирма «Филев» за рекордное количество распространенных пластинок с ее записью (к слову сказать, впервые в западных странах советская песня завоевала такой приз!).

Композитор продолжает работать в избранном русле, иногда возвращаясь к тому, что уже признано, опубликовано, дополняя, развивая, а случается, и коренным образом переделывая. Он постоянно ищет новые сюжеты, новых героев своих песен. Сейчас в этом жанре у него около двухсот названий, и, как всегда в творчестве художника, одни — лучше, другие — менее удачны. Но все его песенное творчество отмечено одним ценным качеством — конкретным образным мышлением автора. Может быть, именно это и способствует быстрому восприятию его песен, их популярности?

Яркий пример тому — «Алеша» Колмановского — Ваншенкина. Ее не только любят, знают, поют в нашей стране — она стала музыкальной эмблемой болгарского города Пловдива, где воздвигнут величественный монумент русскому солдату-освободителю, вдохновивший авторов на создание музыкального памятника известному герою. Каждое утро над городом звучит проникновенная мелодия «Алеша»; традиционному празднику советской песни, проводимому в Пловдиве, дано название «Алеша», а песню Колмановского — Ваншенкина назвали здесь болгарской народной. Пожалуй, это самый ценный комплимент, который могли бы получить авторы — признание песни народной да еще на чужой земле.

Признание слушателей. У Эдуарда Савельевича есть «документальное» подтверждение тому — почта. Передо мной масса корреспонденций. Они аккуратно разложены по темам: «Алеша» — прочерчено красным карандашом размашистым композиторским почерком, «Песня о гудке», «Наши мамы», «Мужчины» и так далее, и тому подобное. Самые разные корреспонденции: письма-заявки («хотим чаще встречаться с вашими произведениями»), письма-просьбы («помогите», «устройте», «посетуйте»), письма-исповеди, излияния души.

● Заслуженный деятель искусств РСФСР Э. Колмановский.